

**«ИГРА В ИСТОРИЮ» И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НА
ПОСТВИЗАНТИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА**

А.И. Торин

В некоторых событиях мировой истории проявляются взаимодействия геополитических и социокультурных начал, далеко выходящие за рамки внутренней и внешней политики государства. Крупные потрясения программируют мировые процессы и направления на целые исторические эпохи, порой на столетия. Мир был бы иным, если бы Сибирь и Дальний Восток не были освоены русскими, а стали бы частью китайских и японских земель; Европа напрямую столкнулась бы с Азией, если бы монголы не отступили в степи или западные славяне не были бы окатоличены. Со времен Омейядов (661–750 гг.) и Аббасидов (750–1258 гг.) Дамаск соперничает с Багдадом, Сеул противостоит Токио, Варшава, раздвоенная между Восточной и Западной Европой, конфликтует с Россией, у нее же ища защиту от Германии. Судьба православных балканских народов, прежде всего сербов, как форпоста православной цивилизации, и их право на существование напрямую всегда и поныне связаны с силой России. Помнить об этом особенно важно сейчас, когда вновь начинают отрицать смысл в историческом процессе, а сами понятия иерархии ценностей и преемственности поколений подвергаются остракизму в пользу ничем не ограничиваемого потребительства. Современный человек, чувствуя себя в роли творца, не связанного никакими твердыми рамками, не всегда в состоянии почувствовать, когда его творчество переходит в свою прямую противоположность. В многообразном мире резкое нарушение соотношения сил между крупными цивилизациями немедленно порождает импульс к духовной и иной экспансии. Тем не менее остается проблема утраты смысла в истории и замены его субъективистскими схемами исторического процесса. Эта проблема в последние два десятилетия является предметом рассмотрения целого ряда социологов и культурологов, как отечественных, так и зарубежных. Достаточно назвать имена европейских и американских ученых и публицистов Р. Арона¹, Д. Белла², Д. Грея³, П. Бьюкенена⁴, С. Московичи⁵, Н. Хомского⁶, а также русских А.С. Ахиезера⁷, А.А. Зиновьева⁸, С.Г. Кара-Мурзу⁹, В.В. Кожина¹⁰, А.С. Панарина¹¹, И.Р. Шафаревича¹². Однако у всех этих авторов есть одна специфическая особенность, объединяющая их произведения: написанные с различных, порой диаметрально противоположных мировоззренческих позиций, они редко ставят вопрос о соотношении игрового и технологического отношения к истории и геополитического интереса крупнейших мировых держав. Между их геополитическими претензиями и коллаборационистскими тенденциями внутри каждой из этих стран существует прямая связь. Наша задача – осветить этот аспект проблемы.

Сформировавшись в гигантскую евразийскую державу на стыке мировых цивилизаций, Россия стала выполнять функцию держателя равновесия между

Западом и Востоком. Разрушение России сразу отозвалось на Балканах, значение которых необходимо анализировать через призму мирового Восточного вопроса. В свою очередь, активное освоение европейцами и американцами остального мира как объекта своих интересов постепенно привело их к осознанию все большей катастрофичности своего бытия. Человек оказался в сильной зависимости от страсти к собственному комфорту и потребительству, с которой в условиях размытости традиционных систем ценностей оказался неспособен справиться. Конструируя условия своего существования, человек становится заложником новой, созданной им среды. Происходит нивелировка и разрушение человеческой личности на путях ее тотальной эмансипации. Возникает необходимость примирения и воссоединения сформированного в эпоху Нового времени нового типа рациональности и устойчивой системы ценностей, позволяющей вести диалог между культурами Запада и Востока на основе признания за каждой культурой права на существование. Осознание такой необходимости в странах Европы и США пришло в 60–70-е годы XX века, а в России – в 80–90-е годы. Так сформировались разнообразные концепции «социокультурного пространства» в России.

Начало формирования концепции социокультурного пространства пришлось на период 80–90-х годов XX века, когда социологическая мысль, во многом замкнутая на изучении сложных современных обществ, действующих по выверенной логике «сдержек и противовесов», восходящей еще к основам механики И. Ньютона, столкнулась с целым каскадом событий, никак не вписывающихся в контекст научного знания эпохи модерна. В конце 80–начале 90-х годов XX века рухнула социалистическая система в странах Восточной Европы и перестал существовать Советский Союз. Вместо движения к «демократии, правовому государству и свободе», порвав пути «тоталитаризма», на постсоветском пространстве установились полуавторитарные режимы, нередко связанные с подавлением любой мало-мальски значимой оппозиции, тяготеющей к преодолению возникшей дезинтеграции. Вместо ожидавшегося «построения рыночной экономики» произошла легализация доходов дельцов «теневых» структур с перенесением соответствующей морали в официальную политику, часто связанную с прямым лоббированием интересов замкнутых, основанных на круговой поруке финансовых группировок. Произошли колоссальные перемены на обыденном уровне жизни, связанные с вытеснением наиболее квалифицированных, потенциально наиболее способных, нестандартно мыслящих работников на периферию, превращением их в маргиналов. Вновь сформированная политическая элита, во многом состоящая из представителей прежнего правящего слоя (ранее третировавшегося со стороны «передовой общественности» как «коррупцированная номенклатура»), сразу же превратилась в касту «избранных», обладающую привилегиями, в десятки раз превышающими прежние.

Отмена прежних моральных норм и перенесение в верхи уголовной по сути морали сопровождалось внедрением в культурный контекст народов, проживающих на постсоветском пространстве, метафоры «рынка», приобретающей в этих условиях всеобъемлющий характер и рассматривающей в потреби-

---

тельском значении то, что в принципе является непродажным и не производимым «на потребу». Одновременно происходит прямой уход государства из сферы производственно-распределительной деятельности в области экономики, сопровождающийся деиндустриализацией и резким снижением уровня жизни подавляющего большинства населения. Реальные действия по защите национальной безопасности страны, а также в социальной, культурной, экономической сферах подменяются имитацией этой деятельности с помощью подконтрольных средств массовой информации, конструированием альтернативного мира и формированием «мнимой реальности», направленной не на объединение, а на максимальное разъединение людей даже в рамках одной страны и рекрутированием «экспертов», занятых легитимизацией и идеологическим обоснованием нового порядка.

Мы так подробно перечислили характерные черты кризисного состояния постсоветского пространства, поскольку они стали наиболее показательными для описания целой череды кризисов, охвативших человечество во второй половине XX – начале XXI века и способствовавших крупным геополитическим и культурным изменениям. Все это повлияло на формирование новой метапарадигмы научного знания.

Заслугой концепции «социокультурного пространства» стало выявление общих форм построения отношений человека с социальной средой, которые, в свою очередь, скрыты за различием символических представлений. Тем самым были намечены альтернативы изучению общества исключительно на институциональном уровне, а структурные характеристики общественного бытия должны были наполниться качественным содержанием, вносящим существенные коррективы в господствующие представления о разделении мира на «передовой» и «периферийный». Таким образом, с одинаковым уважением и добросовестностью могли изучаться и рассматриваться все общества, как западные, так и восточные.

Но по мере оформления основ концепции «социокультурного пространства» выявляется существенная опасность, которая грозит превратить новую концепцию в разновидность эзотерического учения. Дело в том, что культурная антропология, оттенки которой все чаще проявляются в современных исследованиях общества, изначально возникла как наука, занимавшаяся «экзотическими» культурами, с которыми европеец Нового времени сталкивался при освоении мира, и рассматривавшимися как объект приложения усилий для создания качественно новой социокультурной реальности, пригодной для включения в орбиту нового, соответствующим образом сконструированного мира. Разумеется, по отношению к этому будущему миру «экзотические» культуры понимались как «примитивные». Пока речь шла об изучении бесписьменных культур, такой подход еще работал, но по мере того, как в качестве «экзотических» стали рассматриваться практически все незападные культуры, акцент в отношении к миру в целом со стороны «новых интеллектуалов» стал меняться на глазах. Изменилась и культурная реальность – ее стали рассматривать через призму искусственным образом созданных «артефактов». Превращение культуры в

сферу производства завершило процесс изменения сознания современного европейца. Он рассматривает мир как определенное пространство, которое необходимо изменить в более приемлемом для соответствующего типа рациональности направлении. Поэтому разработка пространственной тематики по отношению к концепции «социокультурного пространства» вполне может закончиться колоссальной профанацией самой проблемы неоднородности его строения. Вместо утверждения необходимости этой неоднородности как основы интересубъектных отношений и плодотворного диалога может произойти замещение этого вопроса совсем другим – о преодолении этой неоднородности. Новые «эксперты», таким образом, полностью исключают (если использовать дихотомию известного немецкого философа Ю. Хабермаса)¹³ возможность коммуникации смысловой (основанной на понимании), замещая ее пространство технологической, овеществляющей коммуникацией, основанной на прагматическом взаимодействии людей. Так происходит замещение связей, а апелляция к культуре как особым образом понятому тексту исключает тем самым всестороннюю оценку ее идентичности. Эту ситуацию можно охарактеризовать с семиотической точки зрения как стремление освободить знак и знаковое пространство от всякой привязки к референту в социокультурном и историческом отношениях. Знак вступает в условия «игры», условия и последствия которой тщательно просчитаны представителями «экспертного сообщества», но далеко не всегда могут быть спрогнозированы самими объектами этой «игры», чаще всего становящимися заложниками непредвиденной ситуации¹⁴.

К какой цели направлены усилия новоявленных «игроков»? Они направлены на создание современных технологий социального и культурного манипулирования и моделирования, сочетающего особым образом воспринятые рецепты психоанализа (З. Фрейд) и структурной лингвистики (Ф. де Соссюр). Смысл логики, утверждаемой с помощью формирования новых качеств социума, таков: вместо патетики социального освобождения и строительства «прекрасного нового мира» предложить современному человеку, утратившему ощущение космичности бытия, биологическое «раскрепощение». Идея «социальной эксплуатации», владевшая умами многих величайших филантропов и преобразователей эпохи модерна, заменяется на куда более масштабную модель «эксплуатации со стороны цивилизации», а сама цивилизация предстает в качестве силы, подавляющей присущие человеку инстинкты. Вместо связи в культуре «гипертекст-интертекст-контекст» последний элемент изымается и заменяется понятием «иначе возможного». Иными словами, человеку предлагают отказаться от исторического и социокультурного момента в своей деятельности. Человеку современности заявляют: культура на то и культура, что не знает естественно-наличного. Больной, перезревшей культуре свойственно искать свою противоположность – естественность и органичность. Однако при ближайшем рассмотрении подобная естественность оказывается мнимой, представляя всего лишь стереотипизацию того, что первоначально выступало как проблематичное и иначе возможное. Такой подход получил название «проблемы

иначе возможного» и был обозначен в работах постструктуралистов (например, у Ж. Дерриды)¹⁵.

Пользуясь понятием «иначе возможного», представители «интеллектуального авангарда» и примкнувшего к ним «экспертного сообщества» получают возможность работать над созданием все более тонких имитаций реальности, конечное назначение которых – создать виртуальный мир, полностью подменяющий реальность и блокирующий любое вторжение свидетельств этой реальности в сознание человека. Теоретики постмодернизма назвали такой конструкт «симулякром»¹⁶. Так на место медленного пути социального освобождения пришла легкость «блестящей оболочки», а в итоге – самообман. Но любой самообман чреват саморазоблачением, а потому неизбежно сопровождается комплексом вины или комплексом неполноценности. А значит, чтобы избежать этого комплекса неполноценности и опасности саморазоблачения, необходимо проецировать собственные «слабые стороны» на иные культуры (например, обвиняя их в «отсталости», «непрогрессивности» и недостатках менталитета). В результате мир оказывается поделен не только на имитирующий самодостаточность и самоуспокоенность «центр» и на зависимую от него, обреченную на отставание «периферию», но и на «новый авангард», поставивший себя выше любых нравственно-этических норм, объявив необходимость релятивизма в отношении к ним, и «традиционалистскую архаику», по отношению к которой господствует принцип этнокультурной дискриминации, перемежающийся иногда с заимствованием некоторых элементов, необходимых для поддержания на плаву новой мировоззренческой концепции. Социальный и этнический расизм неизбежно ведет к жесткому отграничению пространства, в котором вольготно себя чувствуют последователи «всесторонней эмансипации» от иного пространства, где сосредоточены носители «репрессивной архаики». На этой почве происходит подрыв самого принципа «социокультурного пространства», а ему на смену приходят теории «золотого миллиарда» и «стран-изгоев», неизбежно смыкающиеся с апологетикой мальтузианства.

Что происходит в результате реализации такого «культурно-антропологического» подхода к изучению социокультурной реальности, нам теперь вполне ясно. Так же, как и вполне понятно то, что требование обеспечения условий, необходимых для осуществления коммуникативных действий, свободных от овеществляющего влияния системы, в этой ситуации полностью утрачивает смысл, ибо участники любого дискурса оказываются не в ситуации участников обсуждения основных принципов целеполагания, а «игры», правила которой вводились без их участия.

Примером осуществления такой «игры в историю» может служить история кризиса на Балканах, центральным звеном в котором стал развал одного из крупнейших федеративных государств – Югославии¹⁷. До конца 1980-х годов СФРЮ – страна из шести отдельных республик и двух автономных провинций. Ее экономика – система, которая стала известна под названием «само-менеджмента», – достигла своей наиболее развитой формы в Законе о труде 1976 года, согласно которому средства производства и другие главные ресурсы не счита-

лись государственной собственностью (как в СССР), но собственностью общественной.

Среди наиболее существенных достижений были уровень грамотности, поднявшийся с 55 % в 1953 г. до 90% в 1986 г., снижение детской смертности, упавшей за тот же период с 116 до 27 на 1000 рождений, вполне сносное и доступное медицинское обслуживание и образование.

До середины 80-х годов XX века Югославия, как «страна-диссидент» по отношению к социалистическому лагерю, пользовалась в отношениях с Западом целым рядом привилегий. Поворот верхушки советской номенклатуры, вошедший в открытую стадию, изменил это положение. Югославия сама становилась для Запада «страной-изгоем» и объектом войны.

Уже в 1984 году администрация президента США Р. Рейгана выработала документ «Политика США в отношении Югославии» (NSDD 133), в котором предусматривался «тихий переворот», а затем интеграция Югославии в неолиберальное пространство «свободного рынка» и «эквивалентного обмена». К 1989 году Югославия накопила большой долг перед Международным валютным фондом и Всемирным банком, и МВФ потребовал проведения «структурной реформы» югославской экономики с резким сокращением расходов на социальную сферу, ускоренной приватизацией и замораживанием заработной платы. В течение года (1989–1990) было уволено около 600 тыс. югославских рабочих.

После характерного для 1960–1970-х годов среднегодового роста ВВП на 6,1%, с 1990 года началось его ежегодное сокращение на 7,5%. Падение промышленного производства в 1991 году составило 21%. По требованию Всемирного банка были уволены еще 1,3 млн. работников – половина рабочего населения страны. Такой кризис создал ситуацию, которая на практике расчистила путь к отделению от Югославии Хорватии и Словении в июне 1991 года. Вслед за ними последовали Босния и Македония. Оставшиеся до поры до времени в единой федерации Сербия и Черногория отвергли ультиматум МВФ, принцип «кнута и пряника» здесь не сработал, провести «тихий переворот» не удалось, и 27 июня 1991 года в Югославии началась гражданская война.

После развала Югославии (СФРЮ) только Сербия стояла на пути включения Балкан в экономическую модель, запланированную для них в новом мировом порядке. В Сербии, например, сохранялась общественная собственность на крупные и средние предприятия. Кроме того, Сербия с Черногорией имели и важные запасы минеральных ресурсов, которые привлекали западные корпорации. Шахты Трепча на Балканах обладают запасами золота, серебра, цинка и угля общей стоимостью более 5 млрд. долларов. В Югославии доходы от них инвестировались в экономику края Косово. Теперь шахты контролируются силами НАТО и формально принадлежат частным корпорациям. В бюджет Косова доходы от шахт не поступают.

Большой и даже новаторской программой по подготовке к слову Сербии стало целенаправленное воздействие на массовое сознание как в самой Юго-

славии, так и во всем мире. Эта программа вошла в историю как «сатанизация» сербов.

Важную роль в убеждении западной публики в жестокостях сербов сыграли сфабрикованные фотографии «сербского лагеря» в Трнополи (Босния), сделанные из видеозаписи 5 августа 1992 года журналистами британской телевизионной компании ITN (Independent Television Network) под руководством Пенни Маршалла.

Фотографии сопровождалась точными данными: изможденное лицо за колючей проволокой принадлежало боснийскому мусульманину Фикрету Аличу, он беседовал с журналистами, протягивал им руки через колючую проволоку. Эта фотография «сербского лагеря смерти» обошла в 1992 году всю западную прессу. Этот «фотодокумент» обсуждался в Конгрессе США и стал формальным поводом и оправданием для США, чтобы занять открытую антисербскую позицию во время войны в Боснии.

В феврале 1997 года в Англии вышла статья, в которой изложены обстоятельства получения этого кадра. По случайному совпадению другая группа журналистов вела там съемки и имела видеозаписи действий группы Маршалла.

Изображен на нем был не «лагерь смерти», а пункт сбора беженцев, расположенный в здании школы. Забор из колючей проволоки отделял школьный двор от шоссе и был установлен еще до войны, чтобы дети не выбегали на дорогу.

Журналисты снимали «узников-мусульман» через проволоку – а могли обойти ее и снимать просто как отдыхающих на свежем воздухе. Вход и выход за проволоку были свободными, и даже на других кадрах из видеозаписи ITN, не пошедших в эфир, было видно, как «заключенные» перелезают через забор или обходят его. Эти кадры были добыты и размещены в Интернете. Автор статьи обвинил телекомпанию в манипуляции, а та подала в суд на него «за клевету».

Тележурналисты ITN не усмотрели за собой никакой профессиональной и моральной вины. Конечно, они распространили фотографию, которую политики затем использовали в своих целях, а западный обыватель в массе своей поверил политикам. Но сами журналисты в комментариях к кадру не употребляли слов «лагерь смерти» и не утверждали, что из-за колючей проволоки нельзя выходить (!). Поэтому они подали на своих критиков в суд за клевету.

В дальнейшем «сатанизация» сербов была поставлена на широкую коммерческую основу. Власти Хорватии, Боснии и Герцеговины, а также албанская оппозиция Косова в складчину наняли вашингтонскую фирму «Ruder-Finn Global Public Affairs» для ведения антисербской пропаганды с целью дестабилизации Югославии. В апреле 1993 года директор этой фирмы Джеймс Харфф дал интервью Жаку Мерлино с французского телеканала TV-2. Он хвастался тем, как его фирме удалось создать антисербские настроения в еврейском общественном мнении, возложив на сербов вину за гибель евреев. В частности, он сказал: «В хорватских лагерях исчезли десятки тысяч евреев, так что у еврейских интеллектуалов и организаций есть все причины для неприязни к хорватам и боснийским мусульманам. Наша задача состояла в том, чтобы изменить

это отношение, и нам это замечательно удалось». Вина за гибель евреев была переложена на сербскую сторону. Сфабрикованные и опубликованные фирмой ложные фотографии сербских «лагерей смерти» были растиражированы западными СМИ.

Кампания 1993–1995 годов по сатанизации сербов была большим экспериментом по воздействию на сознание западного обывателя и формированию соответствующей технологии. Смысл ее таков: если непрерывно и долго помещать слово «серб» в отрицательный контекст (просто включать в описание страшных событий и в окружение неприятных эпитетов), то у читателей и телезрителей, независимо от их позиции, возникает устойчивая неприязнь к сербам. Кроме того, разумеется, надо не давать доступа к телекамере никому из сербов – любая разумная человеческая речь, произнесенная сербом (даже на постороннюю тему), сводит на нет все впечатление от пропаганды.

«Поворотным пунктом» в решении НАТО начать войну против Югославии в 1999 году стало так называемое «массовое убийство» в Рачаке (Косово). Согласно газете «New York Times», американский дипломат Уильям Уокер привез с собой операторскую группу агентства «Ассошиэйтед пресс» на место, где, по его словам, произошло массовое убийство 45 албанцев сербскими силами безопасности.

Французские газеты «Монд» и «Фигаро» поставили под сомнение его рассказ. Европейские эксперты позднее не смогли найти доказательств массового убийства в Рачаке. Французский военный корреспондент Рено Жирар писал: «Что больше всего поражает, так это то, что материал, отснятый операторами AP, радикальным образом противоречит обвинениям Уокера». В январе 2004 года финский патологоанатом Хелена Ранта, которая вела расследование этого дела, заявила, что в Рачаке погибли и албанцы, и сербские сотрудники сил безопасности. Эксперты-криминологи считали, что тела, найденные в Рачаке, принадлежали тем, кто погиб с обеих сторон во время боя между сербской полицией и сепаратистской косовской Армией освобождения.

В июне 2000 года международная группа юристов собралась в Нью-Йорке и признала военных и политических лидеров США и НАТО виновными в совершении военных преступлений против Югославии за период с 24 марта по 10 июня 1999 года. Главным обвинителем на этом процессе был бывший Генеральный прокурор США Рамсей Кларк. Были представлены материалы, доказывающие преднамеренный выбор гражданских целей при бомбардировках белградского телевидения, колонн беженцев и китайского посольства. В то время, как западные СМИ много внимания уделяли процессу над бывшим президентом Сербии С. Милошевичем в Гааге, в них не было упоминаний о нарушении президентом США Б. Клинтонем американского законодательства при ведении войны в Югославии.

Война НАТО против Югославии в 1999 году по своему значению как части программы установления «нового мирового порядка» выходит далеко за пределы других региональных войн. Во-первых, США открыто заявили, что речь идет о войне, направленной на переустройство мира, – войне цивилизаций.

Известный американский философ Н. Хомский приводит в качестве примера заголовок обзорной статьи в «New York Times» (4 апреля 1999 года): «Новое столкновение Востока и Запада». В этой программной статье сказано: «Демократический Запад, его гуманистические инстинкты коробит варварская жестокость православных сербов»¹⁸. Здесь нет привычных идеологических прикрытий модерна XX века, произошел откат к расовому отбору – гуманизм и демократичность представлены как инстинкты, как природное качество западного человека, который и является «правильным» человеком. Православные сербы, напротив, этими инстинктами не обладают, их инстинктом является «варварская жестокость».

Агрессия в Югославии должна была стать прецедентом для того, чтобы узаконить отход США от главной нормы современного международного права – принципа суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств. Взамен была выдвинута доктрина «гуманитарной интервенции», дающая НАТО право на военные действия против любой страны, где нарушаются «права человека». Юридическое признание этой доктрины затянулось, и пока что она реализуется по «праву сильного».

При этом агрессия НАТО не была оправдана никакими пусть даже ложными, но внешне рациональными доводами, поскольку с самого начала и эксперты, и официальные лица ООН предупреждали, что именно эта агрессия и приведет к настоящей гуманитарной катастрофе. В своем обращении по телевидению Б. Клинтон заявил, что, начиная бомбардировку Югославии, «мы отстаиваем наши интересы, защищаем наши ценности и способствуем утверждению дела мира». Бомбардировки привели к исходу из Косово 350 тыс. беженцев и, согласно заявлению Управления ООН по делам беженцев, подвергли опасности жизнь десятков тысяч из них.

Н. Хомский, который скрупулезно собирает подобные случаи отхода от рациональности в политике США, пишет о том, какое давалось объяснение бомбежкам Югославии в 1999 году: «Расхожий тезис утверждает, что США нужно было что-то делать: они не могли просто оставаться безучастными наблюдателями в то время, когда в Косово продолжались злодеяния. Этот аргумент настолько абсурден, что даже как-то странно его слышать. Предположим, что вы видите, как на улице совершается преступление, и понимаете, что не можете молча стоять в стороне – поэтому вы берете автоматическую винтовку и убиваете всех участников данного события: преступника, жертву, свидетелей. Должны ли мы воспринимать это как разумную и морально оправданную реакцию?»¹⁹.

Помимо прямых военных действий, важным оружием были и политические покушения. 8 июля 1999 года США и Великобритания объявили, что их спецкоманды уже тренируются для операций по захвату так называемых военных преступников и президента Сербии – Госдепартамент США даже объявил награду в 5 млн. долларов за его захват. Были убиты несколько членов югославского правительства (включая министра обороны Павле Булатовича) и известных политиков, занимающих антинатовскую позицию. Первый, ставший

известным, западный план покушения на С. Милошевича был составлен в 1992 году. Этот план позднее обнародовал Ричард Томлинсон, бывший сотрудник британской разведки «Ми-6».

Большие усилия для развала федерации делались и по отрыву Черногории от Сербии. Ее президент М. Джуканович вел курс на выход из Югославии, дав понять, что он будет форсировать отделение, если президент С. Милошевич будет переизбран на новый срок. Он даже заявил, что считает первостепенно важным для Черногории вступить в НАТО, которое бомбило его страну всего год назад.

Однако больше половины населения Черногории было против отделения, и любой шаг в этом направлении был рискованным. Готовясь к разрыву, М. Джуканович набрал более чем двадцатитысячную «специальную полицию» с противотанковым оружием и артиллерией. Ее обучал западный спецназ. Конфликт в Черногории дал бы НАТО предлог для вторжения. План интервенции был готов уже в октябре 1999 года. Официальные лица США заявили, что другие члены НАТО также составили планы вторжения.

Устраивались и провокации. Например, 31 мая 2000 года был убит Горан Зугич, советник президента Черногории Джукановича по вопросам безопасности. Западные политики обвинили в этом Милошевича, хотя это убийство за неделю до выборов в Черногории было ему крайне невыгодно. Запись телефонных разговоров между главой американской миссии в Дубровнике, чиновниками Госдепартамента США, американской экономической группы в Черногории и Агентства международного развития прямо указывает на соучастие ЦРУ в этом убийстве. Пресс-конференция в Белграде, на которой демонстрировалась эта запись, была полностью проигнорирована западными СМИ.

Но окончательный удар по Сербии был нанесен с помощью методов «бархатной революции». Переворот в Югославии был проведен в момент выборов и стал типичной операцией по свержению главы иностранного государства не через открытые силовые действия, а с помощью современных избирательных технологий. Одновременно осуществлялась координация деятельности проамерикански настроенной части оппозиционных партий в Сербии с правительственными чиновниками, функционерами армии и полиции. Как видим, вместо «диалога культур» и «дискурса о фундаментальных ценностях современного общества» произошла почти полная утрата суверенитета, атомизация общества и его криминализация²⁰.

На каком же пути может быть решена проблема объединения усилий сторонников концепции «коммуникативного действия» и концепции «социокультурного пространства»? Мы считаем, что это может произойти на пути всестороннего рассмотрения уроков духовного и экологического кризиса, пережитого человечеством в 60–70-е годы XX века и дающего о себе знать до сих пор. Значительный вклад в этом отношении сделан российскими исследователями. Помимо Э.А. Орловой, значителен вклад и других исследователей, создавших предпосылки для оформления концепции (Н.Ф. Реймерса, Л.Н. Гумилева)²¹.

Представления о «маргинальности», соотношении центра и периферии были дополнены еще двумя уровнями представлений об обществе и культуре: 1) метафорой путей движения кочевников и зон обитания оседлых сообществ и 2) метафорой ризомы, свидетельствующей об объединении усилий естественных наук и гуманитаристики в формировании картины мира. Эта метафора подразумевает неоднородность строения социокультурного пространства, поддерживаемого определенным количеством автохтонных признаков, определяющих его облик.

Рассмотрим эти положения более подробно. Обычно, когда говорят о том или ином мировом регионе, подразумевают нечто статическое, своеобразный устойчивый сплав истории и географии, ценностей и уклада, в которых воплощен передаваемый из поколения в поколение откристилизовавшийся опыт. В ситуации, связанной с объединением концепции Ю. Хабермаса и российского варианта концепции «социокультурного пространства», более уместна метафора локатора или камертона, настроенного на то, чтобы улавливать нестыковки между нормативным текстом культуры и повседневными общественными практиками, а с другой – между универсалиями высшего, «общепризнанного» опыта и местническими «уклонами», внося существенные коррективы в отношении иллюзий относительно чего-либо «самого совершенного и безукоризненного».

В этих условиях адекватную оценку получают и институты, существующие в рамках социума; и деятельность различных слоев общества, в том числе в области культуры; и межличностные связи, вплоть до дружеских и семейных. Поэтому понятие «образ жизни» в рамках предлагаемого объединения усилий двух концепций и обретает особый смысл, который никоим образом нельзя свести (даже при большом желании) к сугубо этнографическому пониманию. Теперь это – проекция историософских оснований, осмысленных в результате дискурса, посвященного основаниям бытия конкретного мирового региона и идеи, скрепляющей проживающие на ее территории народы (народ) в единое целое. Результат этого дискурса проецируется на повседневную жизнь людей и формирует образ жизни. Такой подход, по нашему мнению, будет способствовать преодолению мировоззренческой эклектики и произвольного обращения с историческим контекстом.

¹ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1998.

² Белл Д. Постиндустриальное общество: Избранные работы. М., 1995.

³ Грей Д. Поминки по Просвещению. М., 2003.

⁴ Бьюкенен П. Смерть Запада. М., 2004; *он же*. Правые и не – правые. М. – СПб., 2005.

⁵ Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998.

⁶ Хомский Н. Государства-изгои: Право сильного в мировой политике. М., 2003.

⁷ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991.

⁸ Зиновьев А.А. Глобальный человек. М., 2002; *он же*. Запад. М., 2006.

⁹ Кара-Мурза С.Г. Потерянный разум. М., 2005; *он же*. Антимиф. М., 2006.

¹⁰ Кожин В.В. Судьба России. М., 1997.

¹¹ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2004; *он же*. Реванш истории. М., 2005; Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2004.

¹² Шафаревич И.Р. Есть ли у России будущее? М., 1991.

---

¹³ Ю. Хабермас – видный социолог, философ современности, разработывавший основы «теории коммуникативного действия», направленной на восстановление в современном обществе статуса человеческой личности, опирающейся на устойчивую систему ценностей, свободных от диктата финансовых и политических структур. Наиболее значимые труды: «Теория коммуникативного действия», «Кризис государства благосостояния и исчерпанность утопической энергии», «Архитектура модерна и постмодерна». Наиболее значимые издания на русском языке: *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия. СПб., 1999; *Хабермас Ю.* Политические работы. М., 2005.

¹⁴ *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 99.

¹⁵ *Делез Ж.* Логика смысла. М., 1994. С. 84.

¹⁶ Немаловажное значение имеет изучение сущности симулякра отечественными исследователями. См., напр.: *Казинцев А.И.* Симулякр, или Стекольное царство. М.: Алгоритм, 2004.

¹⁷ В изложении событий Балканского кризиса использованы: *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса. 1990–2000. М., 2001. С. 45–89; *Иллич Г.* Тайная война против Югославии // Югославский кризис: истоки и последствия. М., 2004. С. 58–96.

¹⁸ Цит. по: *Хомский Н.* Государства-изгои. Право сильного в мировой политике. М.: Логос, 2003. С. 63.

¹⁹ Там же. С. 62.

²⁰ Выборы в таком обществе становятся частью театрализованного ритуала. Антропологи видят в спектакле выборов перенесенный в современность ритуал древнего театрализованного государства, отражающий космический порядок, участниками которого становятся подданные. Парадокс в том, что силы внутри и вне стран, где происходит свержение авторитарного или якобы «тоталитарного» режима под флагом борьбы с «косностью» и «архаикой», сами интенсивным образом эксплуатируют не только «архаические», но и самые темные, глубинные побуждения людей, кроющиеся в их подсознании. См.: *Тамбиа С.* Национальное государство, демократия и этнонационалистический конфликт // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 65–90.

²¹ См.: *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: Наука, 1993; *Реймерс Н.Ф.* Надежды на выживание человечества: концептуальная идеология. М.: Наука, 1993.